

Савченко Людмила Алексеевна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Для выяснения системных характеристик объекта исследования - повседневности - автор ориентируется на работы А. Щюца в области изучения всеобщих структур понимания другого, всеобщих типов ожидания, Ю. Хабермаса о нормативных правилах коммуникации, Э. Гуссерля по проблеме идеализации и универсализации априорной логики интеракций. Большое значение придается результатам исследований в направлениях символического интеракционизма и этнометодологии. Особое внимание уделяется идеям П. Бергера и Т. Лукмана о типах действия в повседневных отношениях. Автор приходит к выводу о возможности теоретического структурирования и прогнозирования повседневных действий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 174-177. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. **Восстание декабристов:** материалы по истории восстания декабристов. Дела Верховного Уголовного суда и следственной комиссии / под ред. М. В. Нечкиной. Л.: Госполитиздат, 1950. Т. 9. 307 с.
6. **Восстание декабристов:** материалы по истории восстания декабристов. Дела Верховного Уголовного суда и следственной комиссии / под ред. М. В. Нечкиной. М.: Госполитиздат, 1954. Т. 11. 436 с.
7. **Гусева Н. С.** Идея альтернативности исторического развития в отечественной исторической науке: историографический и методологический аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5. Ч. 1. С. 43-46.
8. **Дружинин Н. М.** Очерки из истории движения декабристов: сборник статей. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. 580 с.
9. **Мемуары декабристов. Южное общество** / под ред. И. В. Пороха и В. А. Федорова. М.: Издательство Московского университета, 1982. 352 с.
10. **Нечкина М. В.** Декабристы: в 2-х т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. 2. 507 с.
11. **Пажитнов К. А.** Экономические воззрения декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1945. 103 с.
12. **Поджио А. В.** Записки, письма / издание подготовлено Н. П. Матхановой. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. 592 с.

PROJECT OF LANDS DISTRIBUTION BY P. I. PESTEL'

Anastasiya Vladimirovna Rossokhina

Department of Russian History

Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen

nastia1825@mail.ru

The author considers the document compiled by P. I. Pestel' in connection with the possible confiscation of some landowners' estates for public land fund due to the implementation of his agricultural project, and presents the analysis of the regulations from "Lands Distribution", its importance for the implementation of peasant villages transformation, as well as other members' of secret societies attitude to the project.

Key words and phrases: serfdom; peasants; agriculture; land distribution; possible confiscation of landowners' estates; secret society of Decembrists.

УДК 316.663.5.001.85

Социологические науки

Для выяснения системных характеристик объекта исследования – повседневности – автор ориентируется на работы А. Шюца в области изучения всеобщих структур понимания другого, всеобщих типов ожидания, Ю. Хабермаса о нормативных правилах коммуникации, Э. Гуссерля по проблеме идеализации и универсализации априорной логики интеракций. Большое значение придается результатам исследований в направлениях символического интеракционизма и этнометодологии. Особое внимание уделяется идеям П. Бергера и Т. Лукмана о типах действия в повседневных отношениях. Автор приходит к выводу о возможности теоретического структурирования и прогнозирования повседневных действий.

Ключевые слова и фразы: повседневность; жизненные практики; жизненный мир; повседневное действие; функции; структуры; категории.

Людмила Алексеевна Савченко, д. филос. н., профессор

Кафедра теоретической социологии

Южный федеральный университет

Lsavchenko@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ[©]

Парадокс социологии состоит в следующем: использование категории повседневности по сравнению с другими категориями социологии приводит к тому, что сама категория «повседневность» в рамках социологии приобретает неповседневное значение. Она наполняется содержанием теоретической рефлексии, становится ею и приспособляется для того, чтобы проанализировать общую платформу новых социальных отношений между неспецифическими социальными науками и теми социальными науками, которые объектом своего исследования делают непосредственно социальные отношения. Начало «карьеры» категории повседневности произошло несколько десятилетий назад, когда она находилась в терминологическом резервуаре различных социальных наук и школ, изучающих социальные объекты. Рассматривая то время и использование категории «повседневность» данными школами, можно сказать, что само содержание

категории фактически не отличается от того содержания, которое и сегодня вкладывается в нее некоторыми социальными науками. Это рутинные отношения между людьми, способ мышления, который складывается на основе ежедневного опыта, социальные нормы и формы поведения на основе этих социальных норм, которые опять же возникают в результате обыденной жизни.

Можно сказать, что в содержании категории повседневности, в попытках ее новой рефлексии конвертируют несколько соционаучных теорий и направлений. Категория «повседневность», в которой раскрываются условия совпадения действий людей в обществе, есть у Зиммеля в его попытках методологических дискуссий, где проблема контроля «своего» и «чужого» ставится как социальная проблема [2]. Категория повседневности употребляется также в теории познания социологии как науки. Фиркандт использовал категорию «повседневность» для того, чтобы увидеть преодоление позитивизма в немецкой социологии современности. Его работа «Преодоление позитивизма в немецкой социологии современности» (1926 г.) содержит аргументы, позволяющие ввести категорию повседневности в рамки современной социологии, которая сможет помочь преодолеть позитивизм в социологическом знании.

Следующее философское направление, оперирующее данным понятием, — это феноменология Гуссерля. В своей трансцендентально-философской категории жизненного мира как критического фундамента современного познания он также формулирует и понятие повседневности, которое у него как раз и есть эта категория жизненного мира [5, S. 13].

Еще одно направление, получающее сегодня все большее распространение и положившее начало активным дискуссиям по проблеме определения категории повседневности и ее использования, — это социология и философия Альфреда Шюца. Ученый инспирирует феноменологические социальные теории в их социологически эмпирических категориях, и здесь категория «повседневность» используется им как социологическая категория, которая описывает трансцендентально-философский жизненный мир или трансцендентально-философские представления жизненного мира [6, S. 4].

Хайдеггер пользуется категорией повседневности для описания экзистенциального феномена тут - бытия.

Поздние работы Витгенштейна базируются на философии нормального языка. И здесь при понятии «нормальный язык» мы опять возвращаемся к идеям повседневности. Современные научно-социологические направления, в первую очередь представленные работами Лукмана, Бергера [1] и Хольцнера, используют категорию повседневности для создания новой социальной науки. Гарфинкель, основатель современной этнометодологии, опирается при изучении повседневности на структурные правила жизненных интересов. Философский базис прагматизма, символического интеракционизма, проблемный круг ситуативного действия и социальной действительности также используют понятие повседневности. Общественно-научная герменевтическая философия Дельтея и Гадамера подчеркивает общественное значение исторического процесса понимания, который должен реконструировать историю и наше понимание в том числе. А поскольку реконструкция возможна только тогда, когда мы вплотную приближаемся в понимании к ситуации действия, Дельтеем и Гадамером вводится категория повседневности. Материалистическое герменевтическое направление, которое олицетворяет Хеллер, тоже лежит в русле этих исследований.

Проведем содержательное и методическое сопоставление категорий «жизненный мир» и «повседневность».

«Жизненный мир» — категория, сопоставимая с категорией «повседневность», «жизненный мир», или *life world — world of everyday*. Понятие введено Э. Гуссерлем. Оно противопоставляет объединение фактических и возможных горизонтов познания человеческой жизни и математические точные науки. Математические и точные науки основываются на базисе, о котором они часто забывают. Он располагается в жизненных мирах (или в жизненном мире), где каждая идеальная предметность проходит через допредикативную область жизненных миров, и в этой области она получает свое обозначение и рассматривается с точки зрения всех возможных взаимосвязей. Альфредом Шюцем и Томасом Лукманом понятие «жизненный мир» вводится как основная категория социологии. Жизненный мир в их понимании — это инобытие понятия действительности, это тот мир, который переживается, познается и ощущается. Прежде всего, в понятии «жизненный мир» исследуется повседневная социальная практика. «Повседневный жизненный мир представляет собой область действительности, которая всегда присутствует в нормальных взрослых человеческих представлениях и в человеческом познании» [7, S. 17].

Юрген Хабермас (1975 г.) использует понятие «жизненный мир» как комплиментарное обозначение к коммуникативному действию. Общество рассматривается им как система, которая базируется на культурном запасе определенных представлений и на запасе организованных языковых значений. Проще сказать, жизненный мир Хабермаса представляет как социокультурное окружение.

Во всех вышеназванных концепциях понятие «жизненный мир» связано с понятием «повседневность». По-иному интерпретируя жизненный мир, можно сказать, что это мир повседневных социокультурных связей и отношений. Однако многие социологи зачастую включают в него не только то, что непосредственно окружает человека здесь и сейчас. В понятие «жизненный мир» входят в обязательном порядке смысловые познавательные формы, формы общения, формы социальных отношений, которые являются культурно-исторической традицией или берут свое начало в этой культурно-исторической традиции.

Если обратиться к истории происхождения и развития данного понятия, то нельзя не заметить, что концепция жизненного мира с самого начала служит как рецепт против научно-институционального представления о жизни. В любом словаре понятие «жизненный мир» противопоставляется естественнонаучным определениям, представлениям о социальных отношениях, социальном окружении и социальной среде, в которой живет человек. В то же

время понятие «жизненный мир», или «мир повседневности», в каждом словаре связывается с кризисом и критикой в развитии социальных наук. Уже до Гуссерля до философских высот это понятие было поднято культурфилософом Ойкеном в работе «Познавать и переживать» (1912 г.). В ней он противопоставляет понятие жизненного мира целерациональному понятию бытия. Понятие «жизненный мир» также возникло и на позитивистском базисе. В сочинении Авенариуса «Человеческое определение жизни» (1891 г.) естественнонаучное определение мира уходит на второй план и возникает понятие «жизненный мир» для того, чтобы описать человеческие отношения, человеческую социальность и то общественное, что окружает человека.

Эти попытки ввести в философию понятие жизненного мира были известны Гуссерлю. Уже тогда, когда он писал работу «Идеи-один» (1913 г.), он искал основание для развития феноменологии в представлениях о мире как естественных представлениях, что означает противопоставление естественного окружающего мира идеальному окружающему миру, который описывают науки. К естественному окружающему человека миру относится, прежде всего, мир вещей, ценностей, товаров, который существует как социальный intersубъективный мир людей, в котором они живут, пользуются установившимися мыслительными формами, моделями поведения и в то же время развивают новые формы мышления, поведения, познания и социальных отношений, которые характерны для каждой исторической эпохи. То есть в естественный окружающий мир входит волюно или неволюно понятие времени, времени «здесь и сейчас» и времени будущего, которое заложено имманентно в данное представление или состояние. Хотя Гуссерль развил понятия повседневности и жизненного мира повседневности, использовал их в своих «Идеях-один» и «Идеях-два» для изложения концепции феноменологии, тем не менее, он не уделил достаточно много времени разработке самих этих категорий в их деталях. К названным исследованиям можно также присоединить работы Шеллера, в которых он развивает теорию социального окружения. В своем труде «Формализм в этике» (1913 г.) Шеллер рассматривает теорию социального окружения как практический мир вещей, который формирует естественное мировоззрение человека, дает ему непосредственные переживания, и мир, который не обязательно отражается в теоретическом познании. Хайдеггер перерабатывает естественное определение мира и дает в работе «Бытие и время» (1927 г.) свое определение — повседневности тут - бытия [3, с. 251].

Рассмотрим проблемы и перспективы исследования и использования категории «повседневность». Несмотря на то, что многие социологические теории, как мы увидели выше, и традиции мышления в социальных науках конвергируют в направлении определения понятия повседневности, тем не менее, это не единственное, что хотелось бы изменить и развить в гетерогенной теоретической ситуации. Необходимо такое объединение социальных наук и различных теоретических направлений, которое позволило бы разработать всеобщие категории исследования конкретного повседневного действия и повседневных значений этих действий, характерных для социальной жизни. Таким образом, в конвергенции различных направлений мы ищем не столько общее для выработки понятия повседневности, сколько общий базис, общую систему категорий и сам понятийный аппарат, который мог бы исследовать реальность не только как теоретический объект. Если конвергенция различных направлений пойдет в таком направлении, где будут лишь претензии на создание эпистемиологической автономии социального познания и в эту эпистемиологическую автономию должна будет вписана еще одна категория социального познания, то в таком случае конвергенция направлений будет со знаком минус. Несмотря на конвергенционные течения различных направлений, в социологии, ориентированной на повседневные исследования, мы видим уже многочисленные дискуссии, которые стараются создать будущую методологическую и теоретико-познавательную базу, где особое внимание уделяется проблемам метода исследования, метода исследования нового, практически значимого объекта, которым становится повседневность.

В 1978 г. Элиас сказал о социологии, которая ориентируется на повседневность, следующее: «Социология повседневности есть дань современным традициям. Она балансирует между философской рефлексией без опоры на эмпирический базис и детальным описанием жизни без теоретизирования» [4, S. 28].

Мы приходим к выводу, что социальные науки в их фактической институционализации сознательно ушли от анализа контекста повседневного действия. Повседневное действие для них — это исходный пункт рассмотрения жизненно важных смыслов практической деятельности. В этом отношении дискуссия социальных философов о повседневном действии предстает как островок в мире практики. Социологию часто воспринимают как своего рода общественную терапию, которая при помощи исследований повседневности и социальных действий может вырабатывать определенные системные правила поведения. Но это неверное представление о социологии. Настоящее ее предназначение — исследовать повседневные действия с позиции их критики, оценки и экстенсивной экспликации возможных альтернатив этого действия.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Зиммель Г. Проблема социологии и социальная дифференциация: социологические и психологические исследования: в 2-х т. М., 1996. Т. 2. 457 с.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
4. Ellas N. Zum Begriff des Alltags // Materialien zur Soziologie des Alltags. Sonderheft der Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie. 1978. № 20. S. 22-29.
5. Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phanomenologie. Den Haag, 1954. 84 S.
6. Schutz A. Gesammelte Schriften I. Den Haag, 1971. 1056 S.
7. Schutz A., Luckmann Th. Strukturen der Lebenswelt. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1979. 331 S.

THEORETICAL TRADITIONS IN RESEARCH OF DAILY ROUTINE

Lyudmila Alekseevna Savchenko, Doctor in Philosophy, Professor
Department of Theoretical Sociology
South Federal University
Lsavchenko@yandex.ru

In order to determine the system characteristics of the research object – daily routine - the author focuses on the works of A. Schutz in the sphere of the general structures of the understanding of other, the general types of expectations, of J. Habermas on the normative rules of communication, of E. Husserl on the problem of the idealization and universalization of the a priori logic of interactions; attaches great importance to the results of the researches in the areas of symbolic interactionism and ethnomethodology, pays particular attention to the ideas of P. Berger and T. Luckmann about the types of actions in daily relations, and comes to the conclusion about the possibility of the theoretical structuring and forecasting of daily actions.

Key words and phrases: daily routine; life practices; life world; daily action; functions; structures; categories.

УДК 323

Политология

В статье обосновывается тезис о биосоциальной основе энергии политических акторов. Высказано мнение о необходимости использовать при описании политической динамики основное понятие концепции Л. Н. Гумилева, имеющее биосоциальную природу – пассионарность. Вскрыты недостатки этой концепции. Предложена гипотеза о гетерозисной основе пассионарности. На основе этой гипотезы дано объяснение существованию различных энергетических типов, изменение долей которых в структуре населения влияет на политическую динамику. Сформулирована закономерность, детерминирующая это изменение.

Ключевые слова и фразы: энергия акторов; гетерозисная основа пассионарности; этнополитогенез.

Рубин Гатуфович Сайфуллин, к. полит. н.

Кафедра истории

Камская государственная инженерно-экономическая академия (ИНЭКА)

saifrubin@mail.ru

**ПАССИОНАРНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ ФАКТОРОВ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ[©]**

Политика всегда ориентирована на успех. Многие мыслители увязывали успешность политических акторов с наличием у них некоей энергии. Средневековый арабский мыслитель Ибн Халдун использовал понятие асабии – отваги, воодушевления, силы духа [5]. Он связывает политическую динамику с динамикой асабии. Упадок асабии правящей группы, наступающий из-за ее стремления к роскоши, ведет к ее смене новой группой, обладающей высокой асабией. Затем цикл повторяется.

Представитель макиавеллистской школы теории элит В. Парето при анализе политической динамики также использовал понятие энергии. Он говорит о круговороте элит, об их постоянной смене. С элитой борется «контрэлита», объединяющая людей, стремящихся занять место существующей элиты. Когда элита приходит в упадок, она заменяется энергичными представителями контрэлиты. «Аристократии приходят в упадок в качественном измерении в том смысле, что они теряют свою энергию и ресурсы, на которых зиждется их власть... Революции происходят из-за процессов, происходящих в высшей страте общества: приходящие в упадок группы больше не обладают возможностями для удержания власти, их ресурсы уменьшаются... В то же время в низшей социальной страте на передний план выдвигаются элементы, обладающие выдающимися качествами» [6, с. 96-97]. Среди этих качеств В. Парето выдвигает на первый план энергию, которой не хватает лидерам из высшей страты и которая наличествует у представителей низшей страты перед началом революции. Однако он не объясняет ни природу этой энергии, ни причину, из-за которой происходит ее перераспределение между высшими и низшими стратами.

Современный российский исследователь Н. С. Розов крайне важным аспектом социальной динамики считает изменение энергии акторов (воодушевления, настроения, упорства, воли). Большинству отечественных читателей такие феномены известны под термином «пассионарность», введенным в научный оборот Л. Н. Гумилевым [7, с. 90].

По Л. Н. Гумилеву, в авангарде политических процессов находятся пассионарии – индивиды энергоизбыточного типа, которые могут увлечь за собой субпассионариев и гармоничных людей, соответственно, индивидов энергодефицитного и энергоуравновешенного типов (характеристику энергетических типов